

8 января 2010

В ЕКАТЕРИНБУРГЕ ИЗДАЛИ СОХРАНИВШИЕСЯ С 60-Х ЛЕКЦИИ ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО

Лев Московкин

В Екатеринбурге издали сохранившиеся с 60-х лекции Тимофеева-Ресовского

Рукописи не горят – прошу прощения за банальность. Потому что книга, о которой я хочу и считаю себя обязанным рассказать, событие уникальное даже для нынешнего расцвета книгопечатания в России – **Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. Генетика, эволюция, значение методологии в естествознании. Лекции, прочитанные в Свердловске в 1964 году. – Екатеринбург: Токмас-Пресс, 2009. – 240 с., тир. 2 тыс.**

Так получилось, и это неизбежно в семейных драмах, что мои конспекты лекций Тимофеева-Ресовского пропали. Я был последним студентом МГУ, слышавшим его на кафедре генетики, после этого его прогнали. И выпустили только раз на арену – международную: 2-й Съезд Всесоюзного общества генетиков и селекционеров в 1972 году прошел при участии не только Тимофеева-Ресовского, но и опального Жореса Медведева, автора книг о Трофиме Лысенко и затем – «Ядерная катастрофа на Урале» – где работал Тимофеев-Ресовский, создавая в шарашке новую науку радиозэкологию.

С тех пор мои фотографии со съезда и приема в Доме ученых стали частью известного фоторяда Тимофеева-Ресовского. Честно сказать, я не всегда знал, кого снимаю. Например, друга и коллегу Тимофеева-Ресовского по работе в Берлин-Бухе Мельхера, генетика из Тюбингена. Другие к тому времени были известны у нас не менее самого Тимофеева-Ресовского, как например Вадим Александрович Ратнер из Новосибирска, куда выпущенного из шарашки Тимофеева-Ресовского не пустили пугливо-агрессивные коллеги.

Благодаря своему неукротимому характеру Тимофеев-Ресовский стал основоположником нескольких направлений в науке – куда его судьба бросала, там он и основополагал. Он породил столь мощный общественный резонанс, что можно говорить о феномене Тимофеева-Ресовского, включавшем своеобразный ореол, красочный и противоречивый, отдаленных резонансных последствий. Буквально как комета с огромным шлейфом пыли и газов.

Данное явление было хорошо известно для нескольких фигур в генетике: Александра Алексеевна Прокофьева-Бельговская, Владимир Павлович Эфроимсон, Иосиф Абрамович Рапопорт, Давид Моисеевич Гольдфарб – отец наиболее яркого из последних диссидентов, Александра Гольдфарба, известного в качестве «правой руки» Бориса Березовского, который помог бежать Александру Литвиненко, автору основополагающей книги «Лубянская преступная группировка».

Как ни странно, все это имеет прямое отношение к генетике, судя по моему опыту политического журналиста. Там и везде действуют одни и те же законы Макроэволюции. Только наш маленький генетический мир ярче и богаче большого мира людей. Большинство из них оказались практически забыты после смерти. С фигурой Тимофеева-Ресовского получилось

удивительным образом наоборот – благодаря тому, что по свидетельству историка генетики Василия Васильевича Бабкова, Михаилу Горбачеву потребовалось для литературного оформления перестройки издание романа Даниила Гранина «Зубр» – примерно так, как «Один день Ивана Денисовича» Солженицына оказался нужен Хрущеву, а Сталину – «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова. Затем был снят фильм-трилогия под тем же названием выдающегося отечественного кинодокументалиста Елены Саканян, жены Бабкова. Ореол Тимофеева-Ресовского стал только сильнее и в значительной степени полярно изменил свою модальность. При жизни его как предателя проклинали публично, втайне почитая. Страшно подумать, что бы с ним стало, не будь участия в его судьбе генерала Олега Газенко. Роль этого удивительного человека более типична для махрового тоталитаризма. Однако общая реакция естественная, учитывая нанесенную автором обиду вследствие ревностного непонимания сделанного им. В последние годы, после смерти жены, он плакал от одиночества и отдавал деньги алкоголикам. После смерти – наоборот: вдруг стало выгодно козырять принадлежностью к его ореолу.

Среди людей он говорил словами своего учителя Николая Кольцова, что счастлив. Тимофеев-Ресовский попал в свое время. Те же «СООРы» шли постоянно – в Миассово, под Можайском, в Дубне, в Можженке около Звенигорода. Он говорил то, что должно было прозвучать сиюминутно, направленное на понимание собеседников и совершенно не задумываясь о том, как и чем себя увековечить. Без контекста его слова лишь добавляют отсроченных непредсказуемых системных эффектов, пополняя ореол его личности. Это важно для понимания тех его живых слов, которые без посредников издали в Екатеринбурге.

Может, я неправ, но мне кажется, что феномен советского ученого – неважно, Тимофеева-Ресовского, Николая Вавилова, Петра Капицы или Владимира Эфроимсона – основан на рукотворном сочетании западной известности и той степени внутренней свободы, которая остро необходима ученому, но в собственной высоко агрессивной научной среде невозможна. Тут идет борьба не за истину, а за верховенство, и в ее преодолении с еще более высокой позиции нет ни следа филантропии. На моих глазах фигура Тимофеева-Ресовского была использована для грамотной декорации внешней советской витрины. Сие наблюдали мои глаза, но именно этот простой вывод вызвал сумасшедшие нападки со стороны моих бывших коллег по генетике.

Однако именно таким образом, другого нет, создавались способные к научному обобщению авторитеты. Их отсутствие в последние десятилетия привело к тому, что лавинообразное накопление данных в той же генетике завершается в лучшем случае наслоением одной супердорогой программы на другую. После «Геном человека» следует «Протеом человека». Наследственный академик Константин Скрыбин призывает с трибуны ВОГиС найти применение полученным десяткам терабайт информации. Но патологически нет того, кто обладает способностью видеть существенное и при этом не считается в лучшем случае помехой в дележке грантов подобно Вигену Геодакяну, Борису Вепринцеву, Симону Шнолю и многим другим личностям того же карраса. Сейчас и поговорить о сути явлений почти не с кем, большинство собеседников опасно раздражается, как обычный журналист от политического.

Получив благодаря координатору проекта Дмитрию Рыбникову книжку лекций, я будто бы вернулся обратно в утраченный мир примата чистого знания. Как мне кажется, это наиболее близкий текст к тому, что Тимофеев-Ресовский рассказывал сам, в т.ч. на кафедре генетики Биофака МГУ в 1967 году. Удивительная, уникальная способность изложения привязана к той сиюминутности, как четвериковский СООР – «совместно орать». Феномен Тимофеева-Ресовского начался с того, что этот типичный для России представитель коллективного разума стал аккумулятором и проводником идей. Без него мир вряд ли узнал о существовании таких крупных фигур в науке, как Николай Константинович Кольцов или Сергей Сергеевич

Четвериков. Пришлось не только узнать, но и примириться. Приоритет эволюционного знания был закреплен за Россией, биология по факту из средневекового мракобесия стала одной из точек развития физики.

Это при том, что Тимофеев-Ресовский являлся представителем только одной подобной компании коллективного разума. В СООР не приняли Сергея Михайловича Гершензона, который все в генетике открыл прежде других включая роль ДНК. Из СООРа выпал блестящий соблазнитель юных студенток Презент, ставший идеологом в поддержанном диктатором направлении Трофима Лысенко. В этом негативном направлении реализовались несколько осмеянных и окончательно забытых фигур – Иван Глущенко, от которого Лысенко с сердечным приступом увозила «скорая помощь». Или Фаина Куперман – она без единого генетического термина возвела генетическую инженерию растений ранг биотехнологии в отличие от тех игрушек на Дрозофиле, которыми отчитался Николай Дубинин. За бортом остались крупнейшие эволюционисты Лео Берг и Иван Шмальгаузен, серьезные генетики Вадим Ратнер и Михаил Голубовский, чья «ошибка» была лишь в обратном движении – не на Запад, а на Восток, в новосибирский Академгородок, ставший своим эпицентром коллективного разума.

Это я тоже видел своими глазами. Добавлю, что сварилось в мозгах по предварительным итогам обдумывания застрявшего невзначай в извилинах.

Различие микро- и Макроэволюции в середине XX века сформулировать было невозможно – системность не имела права на существование. В нем оно и состоит. Бездумное тиражирование тезиса о том, что Тимофеев-Ресовский является автором синтетической теории эволюции, им самим не подтверждалось. СТЭ, по-моему, это такой сорняк, который тщательно возделывается на поле мертвых авторитетов подобно дурным дворнягам в городе.

Фен – элементарный эволюционный признак, а не то, что использовал уважаемый Алексей Яблоков как прямой маркер гена (аллеля) в своих исследованиях хищных китообразных в океане.

Волны жизни – важнейший фактор эволюции в моделях как микро-, так и Макроэволюции. Отражают они структуру хаоса в том виде, как ее ввел в оборот Эдвард Лоренц в 1952 году, затем развил и пропиарился Илья Пригожин, также Стефен Вольфрам.

Что характерно, Тимофеев-Ресовский в своих лекциях на Урале не упоминал: ни радиоэкологии, ни своего главного нововведения, если исходить из влияния на учебники – понятий пенетрантность и экспрессивность. В лекциях на кафедре генетики он этом говорил много на примере изучения проявления мутации VPI Дрозофилы меланогастер при погружении VTI поглотительным скрещиванием в сто разных линий мух.

И т.д. Тут что важно: мы любим Тимофеева-Ресовского вопреки его очевидной беловоронности по причине эвристического таланта в выборе существенного. Вот он скажет, и все кажется в науке просто, мир познаваем и это увлекательно без звериной серьезности. Пока еще не изобрели суперкомпьютер, способный так сворачивать потоки массивов данных. А изобретут, так встанет вопрос программирования. Ненавидимая советская власть в лице КПСС выявляла гениев безошибочно, достаточно вспомнить набор генетиков, представленных на приеме в Доме ученых на Пречистенке в 1972 году для иностранных участников Съезда ВОГИС, куда меня привез в своей машине безумный антисемит Сос Алиханян.

Впрочем, я уже излишне повторяюсь, рискуя вызвать ненависть очевидным, как было со стороны Наталии Ляпуновой по поводу реабилитации Тимофеева-Ресовского по инициативе ее старшей сестры Елены Ляпуновой.

Поскольку Тимофеев-Ресовский обладал удивительным и тем более необходимым ученому даром видеть существенное, превозносил его такой же по типу Лев Блюменфельд, посвятив ему стихи:

«Известно всем: сначала было слово.
Важнее слова вещи в мире нет.
Мы слово услышали в Миассово
Тому назад уж двадцать с лишним лет.
Ведь человек и суетен, и грешен,
Не отличает в слепоте своей
Немногие существенные вещи
От многих несущественных вещей.
Чему Вы только нас не обучали!
Но если все до афоризма сжать,
То главное – и в счастье, и в печали
Существенное в жизни отличать».

Способность вычленять и формулировать существенное – это есть, во-первых, суть жизни как существования информации, и во-вторых, она преадаптирована эстетическим чувством в основе активного инструмента Макроэволюции – Дарвинова полового подбора.

Текст лекций был размещен и в Рунете.

<http://gilgamesh-lugal.livejournal.com/tag/%D0%A2%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%84%D0%B5%D0%B5%D0%B2-%D0%A0%D0%B5%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9>

Возвращаюсь к лекциям Тимофеева-Ресовского. Меня попросили разместить контактные данные издателя, что я и делаю.

Самое простой вариант пересылка по почте с оплатой наложенным платежом. Стоимость книги (85 руб.) плюс расходы на пересылку. Если посылать сразу несколько книг в один адрес, то выходит дешевле.

По всем вопросам приобретения и распространения прошу обращаться по e-mail: rybnikov@denascorp.ru

или по тел.: (343) 268-04-91 или +7 904-387-51-11

контактное лицо Рыбников Дмитрий Евгеньевич